

И.Л. Честнов

Диалогическая методология юридической науки

В статье дан анализ состояния методологии современной юридической науки, раскрываются перспективы диалогической методологии юриспруденции. Диалог рассматривается как условие социальности и механизм воспроизводства правовой реальности. Показывается соотношение диалогической и коммуникативной методологии.

Ключевые слова: методология права; диалог; диалогическая методология; юридическая наука; правовая реальность.

Современная постклассическая методология — это не только учение о методах научного познания, но и описание и объяснение конструирования предмета научного исследования. Методология по большому счету задает онтологию как картину бытия объекта. Именно в таком ключе излагается в настоящем исследовании методология юридической науки, одним из важнейших вопросов которой — как можно помыслить право в постсовременном социуме? Не забегая вперед, следует констатировать, что право — сложное, многомерное явление. Его бытие, как и любого сложного социального явления, включает множество аспектов, образующих правовую реальность. Правовая реальность — аспект, момент или сторона социальной реальности, содержание которой — диалогичность. Если диалог — содержание социальности как таковой (а об этом пишут многие видные философы, мыслители и приводят серьезные аргументы в пользу этого утверждения), то он же является содержательным аспектом и права.

Диалогическая программа возникает в начале XX в. и знаменует собой один из вариантов неклассической философии. Во второй половине XX в. происходит «переоткрытие» диалогики (прежде всего, идей М.М. Бахтина) что совпало с приходом постклассической (или постнеклассической) парадигмы. Актуализация философских идей диалога была осуществлена во второй половине XX в. постструктуралистами в явной форме и представителями других течений гуманитарной мысли латентно (герменевтикой, антропологией, социальной феноменологией, дискурс-анализом, психологией, когнитивной и социальной лингвистикой). Многие из этих попыток актуализации диалога можно признать успешными, так как они привели к новым, оригинальным идеям, и именно они могут быть использованы для анализа бытия права.

Сопоставление основных положений постклассической эпистемологии и диалогической философии дает основание для констатации вывода, что

диалогическая программа онтологии социального бытия отвечает критериям постклассической методологии. Прежде всего, она выступает критикой по отношению к центральным предпосылкам — «нарративам» — философии модерна: идее прогресса, отменяющего ценность прошлого, т. е. убеждению, что более позднее по времени является более прогрессивным, и идее автономного самодостаточного субъекта. Можно утверждать, что для *постклассической методологии характерны: включение по принципу взаимодополнительности приемов и способов восприятия и оценки мира в социальное бытие или зависимость социального бытия от позиции наблюдателя; знаковая опосредованность социального мира; признание многомерности, неравновесности, вероятности вместо жесткого детерминизма; динамичность, процессуальность вместо статичности, жесткой структурности; сконструированность, а не жесткая заданность; релятивность и контекстуальность; человекоцентризм; интерсубъективность вместо реифицированного объективизма.* Вариантом постклассической методологии является диалогичность социального бытия, постулирующая его процессуальность, постоянную изменчивость, социокультурную обусловленность, незавершенность, включенность человека с его интенцией, идиосинкразией.

Таким образом, *социальный мир — это интерсубъективность, предполагающая интенциональность — ориентацию на Другого, соотнесение индивидуальной позиции с точкой зрения обобщенного Другого, в том числе в поведении.* Социальное бытие складывается из взаимодействий людей, включающих как внешнюю, материальную (собственно поведенческую) сторону, так и внутреннюю, ментальную или психическую. Благодаря рефлексии или психическому восприятию как социальной ситуации, так и себя в ней, обеспечивается возможность соотносить свои потребности и интересы с ожиданиями адекватности со стороны контрагента(ов). Собственно в этом и состоит *диалог как коммуникация, ориентированная на Другого.* Не любая коммуникация — диалог, а только такая, в которой человек соотносит свои потребности, интересы, цели и поведение с потребностями, интересами, целями и поведением Другого. *Диалог как взаимодействие людей включает, о чем речь шла выше, как внешнюю сторону (поведение), так и внутреннюю (внутренний диалог, о чем много размышлял В.С. Библер).* Эти две стороны взаимообуславливают друг друга, сами находятся в диалогическом отношении (диалог сознания и поведения человека).

Внутренний диалог, в том числе и диалог с текстом, предполагает интенцию или реализацию во внешнем диалоге — взаимодействии с Другим, реализацию в дискурсивных («проговариваемых») практиках. Принятие и признание точки зрения Другого¹, реализованное в социальных взаимодействиях, — условие существования, воспроизводства социума.

¹ Принятие и признание точки зрения Другого отнюдь не является гарантией бесконфликтности общественных отношений, но дает возможность (хотя бы потенциальную) для разрешения конфликтов.

Таким образом, внутренний диалог возможен между человеком и структурой как социальным представлением, когда человек соотносит свои экспектации и действия с требованиями социума, объективированными в социальной структуре. В то же время «внешний» диалог, будучи разновидностью интеракции, возможен только между людьми (иногда — с предполагаемым человеком). Но он всегда опосредован инстанцией «третьего» («наадресата») — социальными представлениями, с которыми оба субъекта должны соотносить свои ожидания и действия (иначе интеракция превратится в навязываемый силой монолог).

Исходя из вышеизложенного, диалог можно рассматривать как коммунальное («продуктивно-диалогическую коммунальность как социальность») существование людей (термин В.Л. Махлина), преодолевающее «презумпции и версии автономной самодостаточности, изолированной эстетизованной завершенности и отрешенности сознания, разума и веры...» [1: с. 307]. В этой связи можно констатировать универсальность диалога как его необходимость для самосохранения социума; но универсальность — «голая абстракция» (как и все «сущностно оспоримые понятия» — свобода, справедливость, благо, власть и т. д.), наполняемая конкретным содержанием в соответствующем историческом и социокультурном контексте. Содержание диалога — конкретные дискурсивные практики, которыми воспроизводятся сконструированные (и переконструируются) социальные статусы и реализуются потребности людей во взаимодействии, координации усилий. В то же время следует предостеречь от наивного понимания диалога как благостного консенсуса, которого никогда не было, нет и не будет даже в сообществе монахов. Диалог — это не дружба или любовь, а артикуляция различий и их учет в коммуникации. Более того, диалог возможен только при наличии асимметрии двух сознаний, обладающих единым кодом осмысления взаимных сообщений [2: с. 152]. При этом граница диалога и монолога (включая такие формы, как авторитарность или «агрессивное насилие», по терминологии В.А. Четвернина), как и нормы и девиации, контекстуально обусловлена и зависит от господствующих сегодня в данном социуме ценностей и социальных представлений. Диалог — основание социальной (а значит — и правовой) реальности, механизм ее воспроизводства.

Постклассическая (или постнеклассическая) методология права предполагает акцент на множественности модусов бытия права, противоречивости, нередуцируемости к одному референту, динамическом или процессуальном характере правовой реальности. Она вытекает из постклассической онтологии социального бытия и, с моей точки зрения, характеризуется следующими аспектами. Во-первых, центром правовой реальности провозглашается человек как творец (создатель) права, использующий знаково-символические средства, в том числе при воспроизводстве права практиками. Антропоцентричность права, т. е. его существование как взаимодействия людей и ментальные интересубъективные процессы (смыслы и значения), с моей точки

зрения, представляется наиболее важным аспектом бытия права. Во-вторых, знаковое опосредование права, дискурсивность как содержание юридических практик. В-третьих, сконструированность, а не «данность» права, а потому его постоянная изменчивость или процессуальность. В-четвертых, контекстуальность как социокультурная (включая знаковость) и историческая обусловленность права при наличии его универсального инварианта. Все это и есть *диалогичность права как содержание вышеназванных аспектов постклассической методологии права, обеспечивающее инновационное и традиционное воспроизводство правовой реальности.*

Диалог в праве — это универсальная абстракция, необходимая для уважительного отношения к Другому, это отказ от привилегии собственной точки зрения, от доминирования или «агрессивного насилия». В то же время правовой диалог — это артикуляция различий в рамках «продуктивной коммуналности», а не утопия всеобщей дружбы или любви. Диалог в праве — это признание необходимости Другого (или «другости», по терминологии П. Рикера) как условие выживания всех.

Обладает ли диалогическая методология права эвристической ценностью, или это не более чем другое обозначение коммуникативной теории? Во-первых, и коммуникативная, и диалогическая теории — это применение соответствующих социально-философских концепций к исследованию права. Такой подход, связанный с выходом юриспруденции в междисциплинарную область, позволяет по-новому взглянуть на традиционную проблематику юридической науки и открыть новые пласты, аспекты потенциально «неисчерпаемого» (как неисчерпаем, по мнению физики, электрон, а с позиций социальной философии — человек, политика или экономика) явления — права. То, что диалогизм близок коммуникации или наоборот, отрицать бессмысленно. Поэтому в принципе эти подходы можно считать «комплементарными». Но не любая коммуникация является одновременно диалогом, поэтому полной синонимии между этими понятиями и тождества между концепциями нет (хотя близость, несомненно, повторюсь, присутствует). Содержанием *правовой* коммуникации, как ее понимает А.В. Поляков, как раз и является диалог, предполагающий принятие позиции Другого, соотнесение экспектаций участников интеракции. Это не просто «условие коммуникации», как пишет А.В. Поляков, а содержание правовой коммуникации, которая выступает формой диалога. Полагать, что «это обстоятельство давно уже выяснено в современной науке» [3: с. 9], на наш взгляд, некоторое преувеличение: современная наука пока еще очень далека от выяснения того, как и почему в одних случаях диалог (или коммуникация) протекает нормально и достигает желаемого результата, в других — нет. Измерение принятия точки зрения Другого или взаимного признания субъектов правовой коммуникации как некой «социальной энергии, дающей возможность субъектам публично и с осознанием своей правоты выступать носителями прав и обязанностей, а также отстаивать и защищать свои права» (по А.В. Полякову) [3: с. 9] выглядит достаточно туманно, что не означает бесперспективности и необходимости продолжения попыток такого измерения.

Диалогическая методология права, используя социально-философскую концепцию диалогизма, акцентирует внимание на внутреннем диалоге как предпосылке успешности правовой коммуникации, на психических (психологических) и лингвистических механизмах достижения консенсуса в обществе, на дискурсивности юридических практик, на механизмах правовой социализации и идентичности, на предвосхищении собственного поведения, ожиданиях поведения от «обобщенного Другого». Эти и другие проблемы — субъекта ответственного поведения, общественного консенсуса и договора, взаимопонимания и т. д. — были сформулированы и получили теоретическое осмысление (хотя, конечно, никак и не окончательное решение, что невозможно в принципе) именно в диалогической философии П. Рикера, Г.-Г. Гадамера, В.М. Библера, а не коммуникативной. По большому счету, на наш взгляд, не так уж и важно, как именовать исследования, например, Ю. Хабермаса или Ю.М. Лотмана — коммуникативными или диалогическими. В них можно обнаружить и то и другое, тем более что граница между этими направлениями философской и научной мысли весьма относительная. Важно не название, а новаторство результата исследования, полученного в рамках любого направления.

Литература

1. *Махлин В.Л.* В зеркале неабсолютного сочувствия // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 11. СПб.: РХГИ, 2002. С. 304–326.
2. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство СПб., 2002. 768 с.
3. *Поляков А.В.* Право: между прошлым и будущим // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 3. С. 6–10.

Literatura

1. *Maxlin V.L.* V zerkale neabsolyutnogo sochuvstviya // M.M. Baxtin: pro et contra. T. 11. SPb.: RCHGI, 2002. S. 304–326.
2. *Lotman Yu.M.* Istoriya i tipologiya russkoi kultury?. SPb.: Iskusstvo SPb., 2002. 768 s.
3. *Polyakov A.V.* Pravo: mezdu proshly'm i budushhim // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2013. № 3. S. 6–10.

I.L. Chestnov

Dialogic Methodology of Jurisprudence

The author analyses the state of the methodology of modern jurisprudence, prospects of dialogic methodology of jurisprudence are shown. The dialogue is studied as a condition for sociality and a kind of mechanism for the reproduction of legal reality. The ratio of dialogic and communicative methodologies is shown.

Keywords: methodology of law; dialogue and dialogic methodology; jurisprudence; legal reality.